

СТРАТЕГИИ РЕФЛЕКСИВИЗАЦИИ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

П. М. Аркадьев¹, С. П. Дурнева²

¹Институт славяноведения РАН,

¹Российский государственный гуманитарный университет,

²Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

В статье описываются стратегии рефлексивизации в абазинском языке (западнокавказская семья), характеризующемся полисинтетизмом, вершинным маркированием и морфологической эргативностью. В абазинском языке представлены три стратегии рефлексивизации: (i) специализированный рефлексивный префикс *щэ-*, служащий для рефлексивизации абсолютива, (ii) дублирование личных показателей, служащее для рефлексивизации непрямого объекта переходных глаголов, и (iii) лексический рефлексив, восходящий к лексеме 'голова' и способный рефлексивизировать актанты различных типов. В статье обсуждаются параметры распределения стратегий рефлексивизации (валентностный класс глагола, ролевые характеристики актантов, семантика ситуации) и предлагается диахроническое объяснение их сосуществованию.

Ключевые слова: абазинский язык, рефлексивизация, полисинтетизм.

* Материал абазинского языка был собран в ходе экспедиций в аул Инжиц-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкесия в ходе трёх экспедиций в 2017–2019 гг. Исследование поддержано проектом № 18-05-0014 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Мы благодарим всех наших консультантов, особенно Д. О. Уша, а также Ю. А. Ландера, Е. А. Лютикову и Я. Г. Тестельца. Фамилии соавторов статьи даны в алфавитном порядке.

REFLEXIVIZATION STRATEGIES IN ABAZA*

Peter Arkadiev¹, Sonia Durneva²

¹Institute of Slavic Studies RAS,

¹Russian State University for the Humanities,

²National Research University Higher School of Economics

In this article we describe reflexivization strategies in Abaza (Northwest Caucasian), a polysynthetic language characterized by consistent head marking and morphological ergativity. Abaza features three reflexivization strategies: (i) the specialized reflexive prefix *čə-* used to reflexivize the absolutive argument, (ii) doubling of person-number prefixes, used to reflexivize indirect objects with transitive verbs, and (iii) the lexical reflexive based on the noun 'head', which is able to reflexivize arguments of different types. We discuss the factors guiding the distribution of the reflexivization strategies (valency class of the verb, argument roles, and semantics) and offer a diachronic account of their coexistence.

Keywords: Abaza, reflexivization, polysynthesis.

* The Abaza data has been collected during three field-trips to the village Inzhich-Chukun (Abazinskiy District, Karachay-Cherkes Republic) in 2017–2019. The study has been supported by the project (№ 18-05-0014) realized through 'The National Research University – Higher School of Economics' Academic Fund Program in 2018 and financed through the Russian Academic Excellence Project '5-100'. We thank all our consultants, especially Dina Usha, as well as Yury Lander, Ekaterina Lyutikova and Yakov Testeleets. The names of the coauthors are given in alphabetical order.

1. Введение

Рефлексивизация в языках Кавказа до сих пор изучалась в первую очередь на материале нахско-дагестанских языков (см. [Тестелец, Толдова 1998; Лютикова 2002; Polinsky, Comrie 2003; Comrie et al. 2013; Testelets 2019]). Напротив, рефлексивизация в двух других автохтонных семьях Кавказа — картвельской и западнокавказской (абхазо-адыгской) — изучена существенно меньше, см. [Amiridze 2006] о грузинском, [Letuchiy 2007; Ershova 2019: Ch. 3] об адыгейском, [Kazenin 2007] о кабардинском. Между тем, полисинтетические западнокавказские языки представляют большой интерес для типологии и теории грамматической анафоры по крайней мере по следующим причинам. Во-первых, глагольные рефлексивы западнокавказских языков входят в одну парадигму с личными местоименными префиксами и не являются средством понижения валентности, см. [Lander, Letuchiy 2017] об адыгейском, и в целом, как кажется, не вписываются ни в один из типов, выделенных в недавней работе [Déchaine, Wiltschko 2017]. Во-вторых, обнаруживающиеся в западнокавказских языках лексические рефлексивные выражения (“возвратные местоимения”) могут рассматриваться как возможные контрпримеры к известному обобщению М. Бейкера [Baker 1995: 49–53] о том, что в полисинтетических языках невозможны возвратные местоимения. В-третьих, наблюдающиеся в западнокавказских языках стратегии рефлексивизации демонстрируют нетривиальную межъязыковую вариативность.

Цель настоящей работы — дать предварительное и не привязанное ни к какой конкретной формальной модели описание стратегий рефлексивизации в абазинском языке (абхазо-абазинская ветвь западнокавказской семьи), в котором представлено три стратегии рефлексивизации — две морфологические и одна лексическая. Сочетание и распределение стратегий рефлексивизации в абазинском языке типологически нетривиально и существенно отличается от лучше описанного с этой точки зрения адыгейского, однако, как мы покажем, вписывается в известные представления о путях грамматикализации рефлексивных показателей (см., например, [Schladt 2000]).

Дальнейшая структура статьи такова. В разделе 2 мы приводим необходимые сведения об абазинском языке, в разделе 3 подробно описываем три наблюдающиеся в нём стратегии рефлексивизации и их ограничения, а в заключительном разделе 4 предлагаем историческую интерпретацию их распределения.

2. Необходимые сведения об абазинском языке

Абазинский язык вместе с близкородственным абхазским образует абхазо-абазинскую ветвь западнокавказской семьи. Носители абазинского языка числом около 40 тыс. проживают преимущественно в Карачаево-Черкесии, а также в диаспоре в Турции и ряде других стран Ближнего Востока. Абазинский язык является наименее подробно описанным из западнокавказских языков; ни одно из существующих грамматических описаний [Генко 1955; Табулова 1976; Lomtadze et al. 1989; O'Herin 2002] не охватывает всех уровней языка с достаточной степенью подробности.

Подобно другим языкам западнокавказской семьи [Hewitt 2005; Arkadiev, Lander 2020], абазинский характеризуется полисинтетизмом, проявляющимся в последовательном кодировании в составе сказуемого информации о ролях всех актантов и прочих характеристиках ситуации. При этом выражение актантов независимыми именованными группами необязательно, см. пример (1), и такие именные группы не имеют падежного маркирования, см. пример (2).

(1) *j-šə-z-j-a-s-h^w-p*

3SG.N.ABS-2PL.IO-BEN-3SG.M.IO-DAT-1SG.ERG-ГОВОРИТЬ-NPST.DCL

‘Я скажу ему (это) о вас.’ (пример из текста)

(2) *ph^wəs-k_i l-sabəj_j d_j-ʕa-l-q-aštələ-n*

женщина-INDF 3SG.F.IO-ребёнок 3SG.N.ABS-CSL-3SG.F.IO-LOC-забыть-PST.DCL

‘Одна женщина забыла о своём ребёнке.’ (пример из текста)

Структура абазинской глагольной словоформы схематически представлена в таблице 1 на с. 32. Серым фоном в таблице выделены позиции, релевантные для дальнейшего обсуждения.

Ещё одно важнейшее свойство, которое абазинский язык разделяет с другими родственными языками, — морфологическая эргативность, проявляющаяся в противопоставлении двух рядов личных префиксов в глаголе, частично различающихся формой и набором выражаемых противопоставлений. Префиксы абсолютного ряда выступают в позиции –12 и кодируют субъект непереходного глагола (S) и пациент (прямой объект) переходного (P), в то время как префиксы косвенного ряда кодируют агенс переходного глагола (A) в позиции –4 и разнообразные непрямые объекты в позициях –5 и –8, а также приименной посессор. Наборы личных префиксов представлены в таблице 2, а примеры (3а–с) иллюстрируют эргативное кодирование актантов.

Таблица 1. Структура абазинского глагола

		превербы							основа					окончания					
-12	-11	-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7
абсолютив	субординаторы, отрицание	репетитив	потенциалис	аппликативы	директивные префиксы	локативы	непрямой объект	эргатив	отрицание	каузатив	социатив	корень	директивные суффиксы	событийные операторы	множественное число	аспект, время	отрицание	прош. вр., модальность	субординаторы, иллюкуция

Таблица 2. Два ряда личных префиксов

	абсолютивные	косвенные		абсолютивные	косвенные
1Sg	<i>s(ə)-</i>	<i>s(ə)-/z-</i>	1Pl	<i>h(ə)-</i>	<i>h(ə)-/ʃ-</i>
2SgM	<i>w(ə)-</i>	<i>w(ə)-</i>	2Pl	<i>ʃ(ə)-</i>	<i>ʃ(ə)-/ʒ-</i>
2SgF	<i>b(ə)-</i>	<i>b(ə)-/p-</i>	3Pl	<i>j(ə)- /∅-</i>	<i>r(ə)-/d(ə)-</i>
3SgM	<i>d(ə)-</i>	<i>j(ə)-</i>	REL	<i>j(ə)-</i>	<i>z(ə)-</i>
3SgF		<i>l(ə)-</i>			
3SgN	<i>j(ə)-/∅¹</i>	<i>na-/a-</i>			

(3) a. *h-bzaza-d*

1PL.ABS-жить(AOR)-DCL

‘Мы жили.’ (пример из текста)

b. *awaʔa hə-ça-də-r-ça-χ-nəs*

там 1PL.ABS-LOC-3PL.ERG-CAUS-класть-RE-PURP

‘чтобы они нас там похоронили’ (пример из текста)

c. *a-sabəj-k^wa-g’əj bzəj jə-ʃ-b-əj-ʔ*

DEF-ребёнок-PL-ADD добро 3PL.ABS-1PL.ERG-видеть-PRS-DCL

‘Мы любим детей.’ (пример из текста)

Абазинский язык обладает богатой системой аппликативных префиксов (превербов, см. [O’Herin 2001]), сочетающихся как с переходными, так и с непереходными глаголами и вводящими актанта с ролью непрямого объ-

¹ Абсолютивные префиксы 3sg неличного рода и множественного числа *jə-* обычно опускаются, если соответствующая именная группа непосредственно предшествует глаголу.

екта и соответствующие личные префиксы. Несмотря на то, что аппликативные префиксы нередко оказываются лексикализованы, в целом они высоко продуктивны. Ниже мы приводим примеры бенефактива *zə-*, пример (4), малефактива *čə-*, пример (5), комитатива *sə-*, пример (6), инструментального аппликатива *la-*, пример (7), и юдикативного аппликатива *ta-*, сочетающегося по большей части с отыменными предикатами и вводящего субъекта оценки, пример (8).

- (4) *d-sə-z-ʕa-r-g-χ-t*
 3SG.N.ABS-1SG.IO-BEN-CSL-3PL.ERG-нести-RE(AOR)-DCL
 ‘Они принесли его ко мне.’ (пример из текста)
- (5) *j-g’ə-j-čə-ča-h-k-wa-m*
 3SG.N.ABS-NEG.EMP-3SG.M.IO-MAL-LOC:под-1PL.ERG-держать-IPF-NEG
 ‘Мы не скрываем это от него.’ (Табулова 1976: 184)
- (6) *buxgalter-qada-ta* *d-sə-cə-n-χ-əj-t*
 бухгалтер-главный-ADV 3SG.N.ABS-1SG.IO-COM-LOC-работать-PRS-DCL
 ‘Она работает со мной главным бухгалтером.’ (пример из текста)
- (7) *a-čərv^wə* *a-zerno* *a-la-ʕ-ča-r-g-əj-t*
 DEF-лопата DEF-кукуруза 3SG.N.IO-INS-CSL-LOC:под-3PL.ERG-нести-PRS-DCL
 ‘Они собирают зерно лопатой.’ (пример из текста)
- (8) *d-rə-ta-λapa-p-ta*
 3SG.N.ABS-3PL.IO-JUD-дорогой-NPST.DCL-ADV

aχč’a *g’-jə-r-t-wa-m*
 деньги NEG.EMP-3SG.M.IO-3PL.ERG-давать-IPF-NEG
 ‘Он для них слишком дорогой, и они ему не платят.’
 (пример из текста)

Помимо этого, аппликативами является значительная часть абазинских пространственных превербов, описанных, в частности, в монографии [Клычев 1995], ср. пример (9) с превербом со значением ‘вслед’:

- (9) *šamiļ* *čəʕ^w-ta* *d-na-sə-š’ta-lə-n*
 Шамиль всадник-ADV 3SG.N.ABS-TRL-1SG.IO-LOC:вслед-входить-PST.DCL
 ‘Шамиль последовал за мной верхом.’ (пример из текста)

Для описания стратегий рефлексивизации необходимо учитывать различия между тремя основными валентностными классами многоместных глаголов: переходными, непереходными и инверсивными. Эти классы выделяются в первую очередь на морфологических основаниях (ср. описание глагольных классов в адыгейском языке в статье [Letuchiy 2013]), а именно в зависимости от соотношения семантических ролей и выражающих их местоименных префиксов, см. таблицу 3. Примеры (10а–с) иллюстрируют каждый из указанных классов.

Таблица 3. Валентностные классы глаголов

	I актaнт	II актaнт	прочие	примеры
переходные	Erg	Abs	(IO, Appl)	<i>dər</i> ‘знать’, <i>t(a)</i> ‘давать’
непереходные	Abs	IO, Appl	(Appl)	<i>pšə</i> ‘смотреть’, <i>c-qrəʁa</i> ‘помогать’
инверсивные	IO, Appl	Abs	(Appl)	<i>ta</i> ‘иметься’, <i>q-aštəl</i> ‘забывать’

(10) a. *sə-l-ba-t*

1SG.ABS-3SG.F.ERG-видеть(AOR)-DCL

‘Она (Erg) увидела меня (Abs).’ (переходный)

b. *sə-l-pšə-t*

1SG.ABS-3SG.F.IO-смотреть(AOR)-DCL

‘Я (Abs) посмотрел на неё (IO).’ (непереходный)

c. *sə-l-q-aštəl-t*

1SG.ABS-3SG.F.IO-LOC-забыть(AOR)-DCL

‘Она (IO) забыла меня (Abs).’ (инверсивный)

Теперь мы можем перейти непосредственно к описанию стратегий рефлексивизации в абазинском языке.

3. Стратегии рефлексивизации

Всего абазинскому языку доступны три стратегии рефлексивизации, две из которых являются морфологическими, и одна — лексической.

Морфологические стратегии представлены, во-первых, специализированным префиксом *čə-*, занимающим позицию абсолютного актанта (11), а во-вторых — дублированием местоименных префиксов (12). Лексический рефлексив — местоимение *qa* (<‘голова’) с посессивным префиксом, кореферентным объекту рефлексивизации (13).

(11) *č-hə-r-pχ-əw-n*

RFL.ABS-1PL.ERG-CAUS-тёплый-IPF-PST

‘Мы согревались.’ (пример из текста)

(12) *zakə-zak haq^{wə} šə-c-tə-ž-g-əw-š-t*

один-один камень 2PL.IO-COM-LOC-2PL.ERG-нести-IPF-FUT-DCL

‘Вы заберёте с собой (букв. с вами) по одному камню.’ (пример из текста)

(13) *p-qa b-a-pšə*

2SG.F.IO-голова 2SG.F.ABS-3SG.N.IO-смотреть(IMP)

‘Посмотри на себя!’ (обращено к женщине)

Выбор стратегии рефлексивизации обусловлен несколькими факторами, определяющими из которых являются тип актантов, вступающих в отношение кореферентности, и валентностный класс глагола. Важным оказывается и соотношение актантов по агентивности (в общем случае контролёром рефлексивизации является более агентивный актант), кроме того, в определенных случаях может иметь значение и семантика глагола. При этом важно отметить, что ни одна из существующих в абазинском языке стратегий рефлексивизации не предполагает изменения морфологической переходности или понижения валентности глагола. Ниже мы последовательно рассмотрим три стратегии рефлексивизации и контексты их употребления.

3.1. Префикс *čə-*

Специализированный рефлексивный префикс *čə-* занимает в глагольной форме позицию абсолютива² и служит для рефлексивизации абсолютивного актанта переходных и инверсивных глаголов. В случае переходных глаголов абсолютивный рефлексив связывается из позиции эргатива (14).

(14) a. *j-ŋa-l-žž-əj-t*

3SG.N.ABS-CSL-3SG.F.ERG-мыть-PRS-DCL

‘Она моет это.’

b. *čə-l-žž-əj-t / *d-čə-žž-əj-t*

RFL.ABS-3SG.F.ERG-мыть-PRS-DCL / 3SG.H.ABS-RFL-мыть-PRS-DCL

‘Она моется.’

² О позиционной нестабильности этого префикса в ряде нефинитных форм см. [Табурова 1976: 187]; для проблематики настоящей работы эти факты, сами по себе нетривиальные, нерелевантны.

Возможно связывание абсолютного рефлексива и из позиции непрямого объекта. Во-первых, оно происходит в инверсивных производных от переходных глаголов, образующихся с помощью префиксов потенциалиса *zə-* (15) и инволюнтатива *mqa-* (16), присоединение которых вызывает «перескок» показателя первого актанта из позиции эргатива в позицию непрямого объекта (ср. [O’Herin 2002: 185]).

(15) a. *sə-j-k^waba-t*

1SG.ABS-3SG.M.ERG-купать(AOR)-DCL

‘Он меня искупал.’

b. *čə-j-k^waba-t*

RFL.ABS-3SG.M.ERG-купать(AOR)-DCL

‘Он искупался.’

c. *sə-j-zə-k^waba-t*

1SG.ABS-3SG.M.IO-POT-купать(AOR)-DCL

‘Он смог меня искупать.’

d. *čə-j-zə-k^waba-t*

RFL.ABS-3SG.M.IO-POT-купать(AOR)-DCL

‘Он смог искупаться.’

(16) a. *sə-j-χ^wə-t*

1SG.ABS-3SG.M.ERG-ранить(AOR)-DCL

‘Он меня ранил.’

b. *čə-j-χ^wə-t*

RFL.ABS-3SG.M.ERG-ранить(AOR)-DCL

‘Он поранился.’

c. *sə-j-mqa-χ^wə-t*

1SG.ABS-3SG.M.IO-INVOL-ранить(AOR)-DCL

‘Он случайно меня ранил.’

d. *čə-j-mqa-χ^wə-t*

RFL.ABS-3SG.M.IO-INVOL-ранить(AOR)-DCL

‘Он случайно поранился.’

Во-вторых, связывание рефлексивного *čə-* из позиции непрямого объекта происходит в формах морфологического каузатива от переходных глаголов, где каузатор занимает эргативную позицию, понижая исходного агенса

до непрямого объекта (17). В таких случаях в качестве контролера рефлексива может выступать как исходный агенс, находящийся теперь в позиции непрямого объекта (17с-1), так и новый агенс-каузатор (17с-2).

- (17) а. *jə-z-žžə-t*
 3SG.N.ABS-1SG.ERG-МЫТЬ(AOR)-DCL
 ‘Я помыл(а) это.’
- б. *j-sə-j-rə-žžə-t*
 3SG.N.ABS-1SG.IO-3SG.M.ERG-CAUS-МЫТЬ(AOR)-DCL
 ‘Он заставил меня помыть это.’
- с. *č-sə-j-rə-žžə-t*
 RFL.ABS-1SG.IO-3SG.M.ERG-CAUS-МЫТЬ(AOR)-DCL
 1. ‘Он заставил меня_i помыться.’
 2. ‘Он_i заставил меня помыть себя_i.’

Кроме того, рефлексив *čə-* может связываться непрямым объектом и в инверсивных глаголах, не являющихся производными от переходных (эта модель рефлексивизации, насколько нам известно, ранее в литературе об абазинском языке не описывалась), ср. пример (18).

- (18) а. *d-s-čə-tav-ṛ*
 3SG.N.ABS-1SG.IO-MAL-БЫТЬ.НЕПРИЯТНЫМ-NPST.DCL
 ‘Я его ненавижу.’
- б. *č-s-čə-tav-χ-ṛ*
 RFL.ABS-1SG.IO-MAL-БЫТЬ.НЕПРИЯТНЫМ-RE-NPST.DCL
 ‘Я себя ненавижу.’³

Такое же связывание возможно и в инверсивных предикатах, образованных от имён с помощью показателя юдикатива *та-*, ср. пример (19):

- (19) а. *d-sə-ta-pšžə-t*
 3SG.N.ABS-1SG.IO-JUD-КРАСИВЫЙ(AOR)-DCL
 ‘Он(а) мне показался/ась красивым/ой.’
- б. *č-sə-ta-pšžə-t*
 RFL.ABS-1SG.IO-JUD-КРАСИВЫЙ(AOR)-DCL
 ‘Я себе показался/-ась красивым/-ой.’

³ В рефлексивных конструкциях всех типов нередко употребляется суффикс рефактива-реверсива *-χə* [Панова, в печати], служащий своего рода избыточным «усилителем» рефлексивного значения; насколько мы можем судить, его использование не является обязательным. Об употреблении такого рода единиц в рефлексивных конструкциях см. [Стойнова 2010].

Очевидно, что при выборе стратегии рефлексивизации в примерах (18)–(19) играет роль не только тип кореферентности актантов и валентность глагола, но и то, какой актант является более агентивным: в приведенных ситуациях более агентивен актант, занимающий позицию непрямого объекта, поэтому именно он оказывается контролёром рефлексивизации и стратегия с абсолютивным рефлексивом является приемлемой, в отличие от двухместных непереходных глаголов (см. раздел 3.3).

3.2. Дублирование личных префиксов

Рефлексивизация путём дублирования личных префиксов с идентичными значениями категорий лица, числа и рода имеет более узкую сферу применения, чем абсолютивный рефлексив *ǰə-*: по нашим данным, она встречается только при связывании непрямого объекта эргативом.

В литературе эта стратегия описана в первую очередь для морфологических каузативов [Табулова 1976: 188], ср. пример (20):

(20) a. *lə-bəzʂa-g'əj* *h-lə-r-dər-t*
 3SG.F.IO-ЯЗЫК-ADD 1PL.IO-3SG.F.ERG-CAUS-ЗНАТЬ(AOR)-DCL
 ‘Она научила нас своему языку.’ (пример из текста)

b. *j-ʂa-s-sə-r-dər-əj-t*
 3SG.N.ABS-CSL-1SG.IO-1SG.ERG-CAUS-ЗНАТЬ-PRS-DCL
 ‘Я узнаю это (букв. “Я делаю так, что это узнаю”).’
 [Табулова 1976: 188]

При дублировании личных префиксов третьего лица допускается как связанная, так и свободная интерпретации, выбор между которыми происходит только на основе контекста, ср. пример (21).

(21) a. *j-ʂa-j-lə-r-ba-t*
 3SG.N.ABS-CSL-3SG.M.IO-3SG.F.ERG-CAUS-ВИДЕТЬ(AOR)-DCL
 ‘Она показала это ему.’

b. *j-ʂa-l-lə-r-ba-t*
 3SG.N.ABS-CSL-3SG.F.IO-3SG.F.ERG-CAUS-ВИДЕТЬ-DCL
 1. ‘Она_i показала это себе_i.’
 2. ‘Она_i показала это ей_j.’

По нашим данным, дублирование личных префиксов употребляется шире: таким же образом можно рефлексивизировать не прямой объект, вводимый аппликативами: комитативом (12) (ср. также [Табулова 1976: 189]), бенефактивом (22), малефактивом (23), а также локативными превербными (24). Следует отметить, что опрошенные нами носители демонстрируют более широкую сферу применения стратегии дублирования личных префиксов в сравнении с материалом, приведённым в работе [O’Herin 2001: 490–491], где постулируется запрет на её использование при бенефактиве и малефактиве.

(22) а. *jə-l-zə-w-χ^wɣ-əj-t*

3SG.N.ABS-3SG.F.IO-BEN-2SG.M.ERG-покупать-PRS-DCL

‘Ты покупаешь это для неё.’

б. *jə-w-zə-w-χ^wɣ-əj-t*

3SG.N.ABS-2SG.M.IO-BEN-2SG.M.ERG-покупать-PRS-DCL

‘Ты покупаешь это для себя.’

(23) а. *d-a-ĉ-a-s-χĉ’a-t*

3SG.H.ABS-3SG.N.IO-MAL-1SG.ERG-защищать(AOR)-DCL

‘Я защитил её (его) от этого.’

б. *d-sə-ĉə-s-χĉ’a-t*

3SG.H.ABS-1SG.IO-MAL-1SG.ERG-защищать(AOR)-DCL

‘Я₁ защитил её (его) от себя₁.’ [= Я понял, что плохо на неё (него) влияю, поэтому ограничил общение.]

(24) а. *j-ɣ-a-çə-w-ç-əj-t*

3SG.N.ABS-CSL-3SG.N.IO-LOC:под-2SG.M.ERG-класть-PRS-DCL

‘Ты кладёшь это под него.’

б. *j-ɣa-wə-çə-w-ç-əj-t*

3SG.N.ABS-CSL-2SG.M.IO-LOC:под-2SG.M.ERG-класть-PRS-DCL

‘Ты кладёшь это под себя.’

Возможно и совмещение двух описанных морфологических стратегий рефлексивизации в том случае, если это допускает семантика глагола, ср. пример (25).

- (25) *č-s-čə-s-χč'a-t*
 RFL.ABS-1SG.IO-MAL-1SG.ERG-защищать(AOR)-DCL
 'Я защитил себя от себя.' [= Не позволил себе совершить необдуманный поступок, которым мог бы себе навредить.]

Тем не менее, эти две стратегии не могут конкурировать друг с другом в одних и тех же контекстах. Так, невозможно использование стратегии дублирования личных префиксов вместо префикса *čə-*, ср. пример (26а). В свою очередь, невозможно и использование префикса *čə-* там, где требуется дублирование префиксов, ср. примеры (22b) и (26b).

- (26) а. *čə-z-dər-əj-t / *sə-z-dər-əj-t*
 RFL.ABS-1SG.ERG-знать-PRS-DCL / 1SG.ABS-1SG.ERG-знать-PRS-DCL
 'Я себя знаю.'
- б. **jə-č-zə-w-χ^wɣ-əj-t*
 3SG.N.ABS-RFL-BEN-2SG.M.ERG-покупать-PRS-DCL
 'Ты покупаешь это для себя.'

Наконец, следует отметить, что дублирование личных префиксов кодирует именно связывание, а не простую кореферентность актантов. Об этом свидетельствует, например, обязательность замены обоих личных префиксов на префикс релятивизации *zə-* в относительных и вопросительных конструкциях, ср. пример (27а). При замене на релятивный префикс лишь одного из личных префиксов рефлексивная интерпретация уже невозможна, ср. пример (27b).

- (27) а. *awəj z_i-zə_i-r-dər-wa-z-da?*
 DEM REL.IO-REL.ERG-CAUS-знать-IPF-PST.NFIN-QH
 'Кто научился этому?'
- б. *awəj j_j-zə_i-r-dər-wa-z-da?*
 DEM 3SG.M.IO-REL.ERG-CAUS-знать-IPF-PST.NFIN-QH
 'Кто научил его (/ *научился) этому?'

3.3. Лексический рефлексив

В качестве лексического рефлексива в абазинском языке выступает местоимение *qa* (<'голова') с личным префиксом посессора, кореферентным агенту. Данное рефлексивное выражение является полноценным актантом, индексируемым в глаголе местоименными префиксами неличного рода, соответствующими его синтаксической позиции.

Эта стратегия — наиболее свободная с точки зрения ограничений на кореферентность актантов. Местоимение *qa* может находиться в позиции абсолютива или непрямого объекта и тем самым конкурирует с морфологическими стратегиями рефлексивизации. Ограничения на использование лексического рефлексива во многом обусловлены семантикой.

Лексическая стратегия является единственной допустимой при связывании непрямого объекта из позиции абсолютива у двухместных непреходных глаголов (28).

(28) a. *d-lə-c-qrɑŋ-əj-t*

3SG.H.ABS-3SG.F.IO-COM-помогать-PRS-DCL

‘Он(а) помогает ей / *себе.’

b. *j-qa* *d-a-c-qrɑŋa-χ-əj-t*

3SG.M.IO-голова 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-COM-помогать-RE-PRS-DCL

‘Он(а) помогает себе.’

Как было сказано выше, лексический рефлексив может конкурировать с префиксом *čə-* в позиции абсолютива, но с не всегда очевидным ограничением на семантику ситуации: конкуренция тем свободнее, чем меньше вероятность интерпретации *qa* как обозначения собственно части тела ‘голова’, ср. примеры (29) vs. (30).

(29) a. *d-sə-r-qʷančʰ-əj-t*

3SG.H.ABS-1SG.ERG-CAUS-виноватый-PRS-DCL

‘Я его (её) обвиняю.’

b. *s-qa* *sə-r-qʷančʰ-əj-t*

1SG.F.IO-голова 1SG.ERG-CAUS-виноватый-PRS-DCL

‘Я себя обвиняю’. / ???‘Я обвиняю свою голову.’

c. *č-sə-r-qʷančʰ-əj-t*

RFL.ABS-1SG.ERG-CAUS-виноватый-PRS-DCL

‘Я себя обвиняю.’

(30) a. *də-l-žž-əj-t*

3SG.H.ABS-3SG.F.ERG-мыть-PRS-DCL

‘Она его (её) моет.’

b. *čə-l-žž-əj-t*

RFL.ABS-3SG.F.ERG-мыть-PRS-DCL

‘Она моется.’

c. *#l-qa* *l-žž-əj-t*

3SG.F.IO-голова 3SG.F.ERG-мыть-PRS-DCL

‘Она моет голову.’ / *‘Она моется.’

Лексический рефлексив может использоваться вместо префикса *ĉə-* и при инверсивных глаголах, ср. пример (31).

- (31) *s-qa* *j-sə-ĉə-mav-χ-ṭ*
 1SG.IO-голова 3SG.N.ABS-1SG.IO-MAL-быть.неприятным-RE-NPST.DCL
 ‘Я себя ненавижу.’

Лексический рефлексив конкурирует и со второй морфологической стратегией рефлексивизации — дублированием личных префиксов: местоимение *qa* может использоваться и для рефлексивизации актантов, вводимых аппликативами, ср. примеры (32)–(33). Интересно, что при рефлексивизации актанта во множественном числе местоимение также может факультативно принимать форму множественного числа и индексироваться в глаголе соответствующим префиксом, см. пример (33b).

- (32) *s-qa* *d-a-ĉə-s-χč'a-ṭ*
 1SG.IO-голова 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-MAL-1SG.ERG-защищать(AOR)-DCL
 ‘Я_i защитил её (его) от себя_i.’

- (33) a. *hara* *h-qa* *j-a-zə-h-χ^wʕa-ṭ*
 мы 1PL.IO-голова 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-BEN-1PL.ERG-покупать(AOR)-DCL
- b. *hara* *h-qa-k^wa* *jə-r-zə-h-χ^wʕa-ṭ*
 мы 1PL.IO-голова-PL 3SG.N.ABS-3PL.IO-BEN-1PL.ERG-покупать(AOR)-DCL
 ‘Мы это для себя купили.’ {a = b}

Помимо конкуренции, лексический рефлексив может и комбинироваться с морфологическими стратегиями, образуя «двойной» рефлексив; в примере (34a) лексический рефлексив занимает позицию непрямого объекта, а в примере (34b) — абсолютива.

- (34) a. *s-qa* *č-a-ĉə-s-χč'a-ṭ*
 1SG.IO-голова RFL.ABS-3SG.N.IO-MAL-1SG.ERG-защищать(AOR)-DCL
- b. *s-qa* *jə-s-ĉə-s-χč'a-ṭ*
 1SG.IO-голова 3SG.N.ABS-1SG.IO-MAL-1SG.ERG-защищать(AOR)-DCL
 ‘Я защитил себя от себя.’ {a = b}

Лексический рефлексив не может использоваться в качестве интенсификатора, ср. пример (35), а также недопустим в позиции более агентивного актанта, т.е. эргатива при переходных глаголах, ср. пример (36), или абсолютива при непереходных глаголах, ср. пример (37).

(35) *a-č'k'wən zaž-g'əj d-g'-jə-m-χ'wə-d,*
 DEF-юноша один-ADD 3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.M.ERG-NEG-ранить(AOR)-DCL

**j-qa jara d-a-χ'wə-χ-d.*
 3SG.M.IO-голова он 3SG.H.ABS-3SG.N.ERG-ранить-RE(AOR)-DCL

Ожидаемое значение: ‘Мальчика никто не поранил, он сам себя поранил.’ [Тестелец 2017, пример (13)]

(36) а. *a-ph'wəspa_i a-ŋ'wəga a-pnə l_i-qa*
 DEF-девушка DEF-зеркало 3SG.N.IO-около 3SG.F.IO-голова

l-ba-χ-əj-d
 3SG.ERG-видеть-RE-PRS-DCL

‘Девушка видит себя в зеркале.’ [Тестелец 2017: пример (10a)]

б. #*l_i-qa a-ph'wəspa_{j/*i} a-ŋ'wəga a-pnə*
 3SG.F.IO-голова DEF-девушка DEF-зеркало 3SG.N.IO-около

d-a-ba-χ-əj-d
 3SG.H.ABS-3SG.N.ERG-видеть-RE-PRS-DCL

1. #‘Её голова опять видит девушку в зеркале.’

2. *‘Девушка видит себя в зеркале.’ [Тестелец 2017: пример (10b)]

(37) а. *l_i-qa d_i-a-č-š-əj-t*
 3SG.F.IO-голова 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-MAL-бояться-PRS-DCL

‘Она боится себя.’

б. #*l_i-qa jə-l_{j/*i}-č-š-əj-t*
 3SG.F.IO-голова 3SG.N.ABS-3SG.F.IO-MAL-бояться-PRS-DCL

#‘Её голова боится её.’ / *‘Она боится себя.’

Как правило, лексический рефлексив связывается субъектом той же клаузы, однако связывание матричным субъектом в отдельных типах синтаксических актантов всё же допускается некоторыми носителями, ср. пример (38).

(38) *aslan_i [rəwslan_j j_{i/j}-qa d-a-z-žərŋ'wə-rnəs]*
 Аслан Руслан 3SG.M.IO-голова 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-BEN-слушать-PURP

j-a-j-h^w-t
 3SG.M.IO-DAT-3SG.M.ERG-сказать(AOR)-DCL

‘Аслан велел Руслану слушать себя (= Руслана / % = Аслана).’

4. Обсуждение

Распределение имеющихся в абазинском языке стратегий рефлексивизации представлено в таблице 4; в верхней строке указаны роли актанта-контролёра (слева) и актанта-мишени рефлексивизации (справа).

Таблица 4. Распределение стратегий рефлексивизации

стратегия	Erg > Abs	IO > Abs	Erg > IO	Abs > IO
čə-	+	+	-	-
дублирование личных префиксов	-	-	+	-
qa	+	+	+	+

Мы полагаем, что разнообразие стратегий рефлексивизации в абазинском языке и их распределение может быть объяснено как результат нескольких последовательных циклов грамматикализации (*layering*, [Hopper 1991]). Рефлексивный префикс *čə-* не имеет ясной этимологии, но данные абхазского языка [Аристава и др. 1968: 141–144; Hewitt 1979: 77–78], ср. пример (39), свидетельствуют о том, что он восходит к инкорпорированному в переходный глагол имени с посессивным префиксом⁴.

(39) абхазский

l-čə-l-k^waba-jt

3SG.F.IO-RFL-3SG.F.ERG-купать(AOR)-DCL

‘Она искупалась.’ [Hewitt 1979: 78] (транскрипция и глоссы адаптированы)

Процесс грамматикализации глагольного рефлексива, в абазинском зашедший несколько дальше, чем в абхазском, видимо, изначально имел место лишь с пациентивным абсолютным актантом переходных глаголов (наиболее естественный контекст рефлексивизации, см. [Faltz 1977: 3; Kemmer 1993: 42–52; Haspelmath 2008, 2019: 16–17]), затем распространившись по аналогии на инверсивные предикаты и вытеснив стратегию с дублированием личных префиксов (видимо, исторически исходную) в зону кореферентности с непрямым объектом.

Что же касается лексического рефлексива вида «посессор + голова», конкурирующего с морфологическими стратегиями рефлексивизации, то он являет собою, фактически, менее продвинутую стадию того же самого

⁴ Такое имя есть, однако его значение — ‘лошадь’ — вряд ли подходит в качестве источника для показателя рефлексива.

процесса, который ранее привёл к возникновению абхазо-абазинского глагольного абсолютного рефлексива. При этом грамматикализация лексемы 'голова' в рефлексивное местоимение типологически весьма распространена (см. [Schladt 2000; Heine, Kuteva 2002: 168–169; Evseeva, Salaberri 2018]⁵) и в целом характерна для западнокавказского ареала (ср. адыгские и картвельские языки).

Несмотря на то, что предложенное в нашей работе описание стратегий рефлексивизации в абазинском языке является предварительным (в частности, «за кадром» остались такие сюжеты, как взаимодействие рефлексивизации с предикатами разных семантических типов и несобственно рефлексивные употребления префикса *ǰə-*) и сугубо дескриптивным, мы уверены, что приведённый материал представляет интерес для типологии и теории грамматической анафоры.

Условные обозначения и сокращения

1 — 1-е лицо; 2 — 2-е лицо; 3 — 3-е лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CSL — циклокативный преверб 'сюда'; COM — комитатив; DAT — дативный преверб; DCL — декларатив; DEF — определённый; DEM — указательное местоимение; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; FUT — будущее время; H — личный род; IMP — императив; INDF — неопределённость; INS — инструменталис; INVOL — инволюнтатив; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; JUD — юдикатив 'с точки зрения'; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MAL — малефактив; N — неличный род; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная форма; NPST — не прошедшее время; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — целевой конверб; QH — вопрос о лице ('кто'); RE — рефактив; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; SG — единственное число; TRL — транслокативный преверб 'туда'.

Литература

- Аристава и др. 1968 — Аристава Ш.К., Бгажба Х.С., Циколия М.М., Чкадуа Л.П., Шакрыл К.С. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология. Сухуми: «Алашара», 1968. [Aristava Sh.K., Bgazhba Kh.S., Tsikoliya M.M., Chkadua L.P., Shakryl K.S. Grammatika abkhazskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [A Grammar of Abkhaz. Phonetics and morphology]. Sukhumi: Alashara, 1968.]
- Генко 1955 — Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М.: Изд-во АН СССР, 1955. [Genko A.N. Abazinskii yazyk. Grammaticheskii ocherk narechiya tapanta [The Abaza language. A grammatical sketch of the Tapanta dialect]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955.]

⁵ Отметим, что абхазские и абазинские данные в указанных работах приведены с ошибками, проистекающими, видимо, из таблицы в работе [Schladt 2000: 108], где не указаны ссылки на источники.

- Клычев 1995 — Клычев Р.Н. Словарь сочетаемости локальных превербов с суффиксоидами и глагольными корнями в абазинском языке. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное издательство, 1995. [Klychev R.N. Slovar' sochetaemosti lokal'nykh preverbov s suffiksoidami i glagol'nymi korniyami v abazinskom yazyke. [A dictionary of collocations of locative preverbs with suffixoids and verbal roots in Abaza] Cherkessk: Karachaevo-cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995.]
- Лютикова 2002 — Лютикова Е.А. Когнитивная типология: Рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [Lyutikova E.A. Kognitivnaya tipologiya: Refleksivy i intensifikatory [Cognitive typology: Reflexives and intensifiers]. Moscow: IMLI RAN, 2002.]
- Панова в печати — Панова А.Б. Рефактив(ы) в абазинском языке? В печати в Acta Linguistica Petropolitana. [Panova A.B. Refactive(s) in Abaza? To appear in Acta Linguistica Petropolitana.]
- Стойнова 2010 — Стойнова Н.М. Рефлексивные и рефактивные значения: семантические и типологические связи // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2010. № 3. С. 115–132. [Stoynova N.M. Reflexive and reffective meanings: semantic and typological links. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya. 2010. No. 3. P. 115–132.]
- Табулова 1976 — Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. [Tabulova N.T. Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. [A grammar of Abaza. Phonetics and morphology] Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1976.]
- Тестелец 2017 — Тестелец Я.Г. Грамматические асимметрии в абазинском языке. Хендаут, 2017. [Testelets Ya.G. Grammaticheskie asimmetrii v abazinskom yazyke. [Grammatical asymmetries in Abaza]. Handout, 2017.]
- Тестелец, Толдова 1998 — Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. 1998. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 35–57. [Testelets Ya.G., Toldova S.Yu. Reflexive pronouns in the Daghestanian languages and the typology of reflexives. Voprosy yazykoznaneya. 1998. No. 4. Pp. 35–57.]
- Amiridze 2006 — Amiridze N. Reflexivization Strategies in Georgian. Utrecht: LOT Publications, 2006.
- Arkadiev, Lander 2020 — Arkadiev P.M., Lander Yu.A. Northwest Caucasian languages. The Oxford Handbook of the Languages of the Caucasus. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2020 (forthcoming).
- Baker 1995 — Baker M.C. The Polysynthesis Parameter. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Comrie et al. 2013 — Comrie B., Forker D., Khalilova Z. Alignment typology, reflexives, and reciprocals in Tsezic languages. Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on the Languages of the Caucasus. 2013. Pp. 3–51.
- Déchaine, Wiltschko 2017 — Déchaine R.-M., Wiltschko M. A formal typology of reflexives. Studia Linguistica. 2017. Vol. 71. Pp. 60–106.
- Ershova 2019 — Ershova K. 2019. Syntactic Ergativity in West Circassian. PhD Dissertation, University of Chicago.
- Evseeva, Salaberri 2018 — Evseeva N., Salaberri I. Grammaticalization of nouns meaning “head” into reflexive markers: A cross-linguistic study. Linguistic Typology. 2018. Vol. 22. No. 3. Pp. 385–435.
- Faltz 1977 — Faltz L.M. Reflexivization: A Study in Universal Syntax. PhD Dissertation, University of California, Berkeley, 1977.

- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking. *Linguistic Discovery*. 2008. Vol. 6. No. 1. Pp. 40–63.
- Haspelmath 2019 — Haspelmath M. Comparing reflexive constructions in the world's languages. Draft, 2019.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hewitt 1979 — Hewitt B.G. *Abkhaz*. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Hewitt 2005 — Hewitt B.G. *North West Caucasian*. *Lingua*. 2005. Vol. 119. Pp. 91–145.
- Hopper 1991 — Hopper P.J. Some principles of grammaticalization. *Approaches to Grammaticalization*. Vol. I. Focus on Theoretical and Methodological Issues. Heine B., Traugott E.C. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1991. Pp. 17–35.
- Kazenin 2007 — Kazenin K.I. Reciprocals, comitatives, sociatives, and reflexives in Kabardian. *Reciprocal Constructions*. Nedjalkov V.P. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2007. Pp. 739–772.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The Middle Voice*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Lander, Letuchiy 2017 — Lander Yu.A., Letuchiy A.B. Decreasing valency-changing operations in a valency-increasing language? *Verb Valency Changes. Theoretical and typological perspectives*. Álvarez González A., Navarro I. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2017. Pp. 286–304.
- Letuchiy 2007 — Letuchiy A.B. Reciprocals, reflexives, comitatives, and sociatives in Adyghe. *Reciprocal Constructions*. Nedjalkov V.P. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2007. Pp. 773–812.
- Letuchiy 2013 — Letuchiy A.B. Verb classes in Adyghe: derivational vs. nonderivational criteria. *Linguistics*. 2013. Vol. 51. No. 4. Pp. 729–766.
- Lomtadidze et al. 1989 — Lomtadidze K., Klychev R., Hewitt B.G. *Abaza. The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian Languages*. Hewitt B.G. (ed.). Delmar, N.Y.: Caravan, 1989. Pp. 91–154.
- O'Herin 2001 — O'Herin B. *Abaza applicatives*. *Language*. 2001. Vol. 77. No. 3. Pp. 477–493.
- O'Herin 2002 — O'Herin B. *Case and Agreement in Abaza*. Arlington: SIL International & University of Texas Press, 2002.
- Polinsky, Comrie 2003 — Polinsky M., Comrie B. Constraints on reflexivization in Tsez. *Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics. Papers in Honor of Howard I. Aronson*. Holisky D.A., Tuite K. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. Pp. 265–289.
- Schladt 2000 — Schladt M. 2000. The typology and grammaticalization of reflexives. *Reflexives. Forms and Functions*. Frajzyngier Z., Curl T.S. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2000. Pp. 103–124.
- Testelelets 2019 — Testelelets Ya.G. The thirteen (or more) reflexive pronouns in Khwarshi. Presentation at the 52nd Annual Meeting of Societas Linguistica Europaea, Leipzig, 21–24 September 2019.

Статья поступила в редакцию 14.11.2019

The article was received on 14.11.2019

Пётр Михайлович Аркадьев

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; доцент, Институт лингвистики РГГУ

Peter M. Arkadiev

Ph.D.; senior researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; assistant professor, Russian State University for the Humanities

alpgurev@gmail.com

Софья Павловна Дурнева

стажер-исследователь, лаборатория языков Кавказа, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Sonia P. Durneva

research assistant, Laboratory of Caucasian Languages, National Research University Higher School of Economics

sonia.durneva@gmail.com